DOI: 10.26907/2074-0239-2021-66-4-231-235
УДК 821.161.1

ОБРАЗ ХЛЕБА КАК СИМВОЛИЧЕСКАЯ ДЕТАЛЬ В ЭПОПЕЕ А. СОЛЖЕНИЦЫНА «КРАСНОЕ КОЛЕСО»

© Татьяна Смыковская

THE IMAGE OF BREAD AS A SYMBOLIC DETAIL IN A. SOLZHENITSYN'S EPOPEE "THE RED WHEEL"

Tatyana Smykovskaya

The article is devoted to the symbolically narrative aspect of A. Solzhenitsyn's epopee "The Red Wheel". The object of research is the image of *bread*, loaded with historical and ontological meanings. These meanings aim to depict the decay of the Russian national world. The word *bread*, in most cases used by Solzhenitsyn in his epopee in its direct meaning, has a concrete historical significance, since it is associated with the bread situation that took place on the eve of the revolution and after it. Historicism is mainly represented "In August 1914" and "November 1917" through the image of the bread noose. It reflects the situation of the bread crisis, one of the tragic milestones of the February Revolution. The metaphysical aspect comes to the foreground in "March 1917" and is related to the image of the bread line. In the system of characters from "The Red Wheel", this image is inseparable from the demon heroes. It marks the intense flow of black, infernal force, aroused by revolutionary events. According to the writer's worldview, this flow speeded the spin of the deconstructive red wheel and facilitated the destruction of Russian civilization.

Keywords: A. Solzhenitsyn, The Red Wheel, image of bread, image of the bread noose, symbol of the bread line.

В статье анализируется символический повествовательный пласт эпопеи Александра Исаевича Солженицына «Красное Колесо». Объектом исследования становится образ хлеба, обладающий в произведении двунаправленной историко-онтологической семантикой, прежде всего нацеленной изобразить процесс распада русского национального космоса. Слово «хлеб», употребляемое в эпопее Солженицына в большинстве случаев в прямом значении, имеет конкретно-историческую нагрузку, так как связано с хлебной ситуацией, имевшей место в преддверии революции и после нее. Историчность, объемно явленная в «Августе Четырнадцатого» и «Октябре Шестнадцатого», прежде всего раскрывается через образ хлебной петли, воссоздающий ситуацию хлебного кризиса, ставшего одним из мощных маятников Февральской революции. Метафизический аспект, выходящий на первый план в «Марте Семнадцатого», сопряжен с образом хлебного хвоста, который в системе персонажей повествования в отмеренных сроках соединен с героями-бесами и призван обозначить небывалый поток черной inferнальной силы, обрушившийся вместе с революцией на Россию. Он, по мысли писателя, лишь ускоряя вращение деструктивного красного колеса, способствовал уничтожению русской цивилизации.

Ключевые слова: А. Солженицын, эпопея «Красное Колесо», образ хлеба, образ хлебной петли, символ хлебного хвоста.

Образы-символы «Красного Колеса» (1965–1990) не раз становились предметом исследовательского внимания литературоведов [Спиваковский], [Урманов 2014]. Их основой у А. И. Солженицына, по замечанию А. В. Урманова, служит христианская традиция, славянская мифология и древнерусское искусство [Там же, с. 170]. Одним из таких важнейших символов, пока не попавшим в поле зрения солженицыноведов, является образ хлеба, с которым в произведении

тесно связан мотив десакрализации, свидетельствующий о низвержении русского бытия, уничтожении онтологических основ русской цивилизации. Известно, что хлеб у славян почитался как высшая ценность, «дар Божий», был символом достатка, благоденствия, здоровья и плодородия [Толстая, с. 412], ритуально соединялся (свадебный хлеб, поминальный хлеб, пасхальный хлеб, рождественский хлеб) с важнейшими периодами жизни. Для героев, близких авторскому миро-

ощущению, такое отношение к хлебу естественно. Ирина Томчак считает хлеб *«твердыю»* [Солженицын, т. 7, с. 43] народной жизни. Саня ассоциирует *«утреннее солнце над хлебным морем»* [Там же, с. 28] со счастьем. Столыпин благодарит Бога за возможность пребывания в сибирской раздольной степи. Фёдор Ковынёв ощущает *«родной, сытный, хлебный»* [Солженицын, т. 9, с. 171] запах от спелой пшеницы.

Однако с раскручиванием революционного колеса отношение к хлебу изменяется, становятся все более частотными фрагменты, упоминающие и описывающие сцены хлебного поругания. Мировая война одной из первых явит болезнь, поразившую душу и сознание русского человека:

«<...> Саша выходил на дорогу. Наткнулся на сваленную кучу, это оказался хлеб, армейский печеный хлеб – уже черствый и даже заплесневелый. Наступали без хлеба, а вот – выкинут хлеб!» [Солженицын, т. 7, с. 395].

У славян считалось неприемлемым бросать хлеб на землю: «упавший кусок следовало поднять, поцеловать и попросить у него прощения» [Толстая, с. 415]. Даже Ленартовичу, далекому от национальных корней, данное деяние видится странным. Прибывшему с фронта Арсению Благодарёву почти святотатственными представляются разговоры односельчан о нецелесообразности сеяния хлеба:

«<...> никогда в деревне такого не бывало: на чо нам столько хлеба выращивать? И в голову не лезет, такого не помнил он в жизни» [Солженицын, т. 9, с. 465].

Если в «Августе Четырнадцатого» и «Октябре Шестнадцатого» помятый хлеб – симптом помутнения русского духа, то в революционных Узлах – знак разрушения жизненных констант, национального космоса. Становятся обычными и не вызывают удивления погромы лавок с выбрасыванием хлеба на улицу, *«прямо на мостовую»* [Солженицын, т. 11, с. 84]. Хлеб как ключевая традиционная ценность подменяется красной революционной символикой: *«И все бросались на кумач и раздирали его, как если б он был дорожке хлеба»* [Там же, с. 527].

Прение и гниение хлеба в революционные дни на станциях и речных портах становится знаком тления, разложения основ русского бытия. Целенаправленное, безнаказанное сжигание крестьянами хлебных риг и амбаров – символом богооставленности: *«– А жги, ребята, анбар! Ни нам, ни им! / И сожгли»* [Солженицын, т. 15, с. 214]. У славян одним из самых строгих табу,

связанных с хлебными продуктами, был запрет бросать хлеб в огонь: «на „том свете“ будешь рукой доставать его из огня; бросишь хлеб или крошки в огонь, сгорит хлеб в поле» [Толстая, с. 415]. Десакрализация, переступание через вековые традиции приведут к тому, что хлеб материализуется в черную пайку заключенного, которую тот будет вынужден добывать рабским непосильным трудом. В результате обозначится обратный процесс: малосъедобная пайка станет самым вожаемым и святым объектом, определяющим жизнь. Шухов свой *«хлебушек»*, заворачивая в чистую *«белую тряпицу»*, носит, точно ребенка, у сердца. Поедание пайки, спрятанной в специально сшитом под телогрейкой белом карманчике, для героя подобно священной трапезе.

Образ хлеба в «Красном Колесе» мотивен. Он, пронизывая десятилетнюю эпопею, воспроизводится на нескольких повествовательных уровнях, многократно появляется в разных по стилистике и задачам сюжетных и обзорных главах, экранах, газетных подборках. В подавляющем большинстве слово «хлеб» в эпопее Солженицына употреблено в прямом значении. Оно, связываясь с хлебной ситуацией в стране накануне и после революции, обладает конкретно-исторической нагрузкой. Особенно отчетливо историчность образа прослеживается в «Августе Четырнадцатого» и «Октябре Шестнадцатого», где автор обозначает ряд важнейших моментов, приведших к будущему хлебному кризису. В первом Узле показана парадоксальная ситуация с хлебными поставками в действующую армию. При полной отправке хлеба на фронт солдаты получают его с большим опозданием. Плохое питание и многочасовые переходы не способствуют победному солдатскому настрою. Армию, состоящую в основном из крестьян, начинают одолевать подспудные революционные размышления о «пустоте» затеянной войны, о том, что расплачиваться за нее придется простым мужикам. Причин происходящего в Ставке объяснить не могут, и командующие вынуждены добывать муку в оставленных немецких городах. Данный сюжетный мотив «Августа Четырнадцатого» символически отражен в революционных Узлах, когда жители Петрограда при обеспеченности хлебом вдруг начинают выстраиваться в хлебные очереди и сеять панические настроения. И в первом, и во втором случае власти оказываются бессильны, не способны противостоять обстоятельствам и быстро решать насущные проблемы.

Хлебная политика, детально и многосторонне раскрытая в первых двух Узлах эпопеи, дает представление не только о параличе верховной власти, опасавшейся вмешиваться в хлебный

вопрос, но и несогласованности, поверхностности, неспособности оппозиционных, революционных, либеральных сил разрешить проблемы, связанные с ценами и поставками хлеба. Данная ситуация уже в «Октябре Шестнадцатого» побудила к распространению слухов о насильственной ревизии хлеба в деревни и его нехватке в городах, что послужило толчком к раскачиванию одного из мощных маховиков будущей революции.

Историчность в изображении образа хлеба приглушается в «Марте Семнадцатого», открывающегося двумя символами: хлебного хвоста и хлебной петли. Авторский взгляд с началом революционного дискурса расширяется, смещаясь с конкретно-исторических ситуаций на метаисторический процесс, призванный приоткрыть причины общемировых, глобальных политических, социальных, религиозных, психологических деформаций, обнаженных в России февральской катастрофой. При этом Солженицын не склонен снимать ответственности с самих себя, о чем и свидетельствует в начале «Марта Семнадцатого» образ хлебной петли.

Образ петли в «Красном Колесе» прежде всего соотносится с казнью Богрова, повешенного за убийство Столыпина. Петля, по мысли писателя, начала затягиваться с кончиной министра внутренних дел, единственного, имевшего реальное желание противостоять колесу революции. О петле как неминуемой смерти постоянно думают Кирпичников и Масловский, зачинатели петроградского солдатского бунта. Однако в петле воплощена не просто смерть, а самоубийство российского государства. Солженицын, олицетворяя, почти материализуя хлебный кризис («руки», «тело», «горло»), подчеркивает, что процесс шел изнутри. Граждане сами, «своими руками» затягивая веревку, толкали страну в бездну.

Поток иной силы, низвергающей Россию в хаос, будет зафиксирован с помощью образа хлебного хвоста. Хвост по славянским представлениям – признак демонологического существа [Плотникова], коим у Солженицына предстает революция, с ее неотъемлемыми и многочисленными хлебными хвостами. Образ хвоста соединен в «Красном Колесе» с персонажами-бесами [Гуськов]. В «Августе Четырнадцатого» одна из тетешек революционерок Агнесса Ленартович, пламенно рассуждая о Богрове, «*расхаживала по комнате с хвостом папиросного дыма*» [Солженицын, т. 8, с. 92]. В первом Узле мысль о превращении империалистической войны в гражданскую Ленин ассоциирует с животным, которого «*выхватываешь за дрожащий хвост у по-*

следней каменной щели» [Солженицын, т. 7, с. 212] как единственно оставшийся шанс. В революционных Узлах внешне инертный теоретик Гиммер, удивляясь сверхактивности Керенского и Ленина, первого сравнивает с метеором, чей огненный хвост невольно «*прихватывал*» и уносил за собой, второго – с внезапно вторгшейся кометой: «*<...> увлек за собою в хвост, уже в самый последний хвост <...>*» [Солженицын, т. 15, с. 70]. Автор, посредством сознания персонажа-беса дважды акцентируя «хвостатость» Ленина, выявляет неумность его разрушительной энергии. Дым, метеор, комета – образы, имеющие общую огненную и космическую семантику. Разрушительный огонь, метафорически конкретизируясь в пламенном бенгальском революционном колесе, – неизменный атрибут многих персонажей-бесов. Огненная символика, составляющая ядро образов революционно настроенных Агнессы и Адалии Ленартович, была проанализирована А. Аркатовой, отметившей, что «метафора огня <...> является наиболее часто употребляемым тропом в лексиконе Адалии и Агнессы» [Аркатова, с. 360]. Огненная метафора пронзает образ ключевого персонажа-беса – Ленина, напряженное внутреннее и умственное состояние которого нередко определяется словом «угар». Если в «Августе Четырнадцатого» политические просчеты «сжигают» Ленина, то с началом революционных Узлов он предпочитает действовать внезапно, будто «бомба», взрывая ситуацию изнутри. В преддверии нового восстания вождя большевиков «*сжигает нетерпение*» [Солженицын, т. 15, с. 393], а мысли «*не сказанные вовремя, мучительно догорают потом в груди*» [Там же, с. 587]. Огненно воспринимают Ленина и другие герои эпопеи. Гиммер возвращение главного большевика в Россию сравнивает с пламенем, которое «*поднесли к самому лицу*» [Там же, с. 70]. Саша Ленартович, ожидая приезда Ленина, воображает его «*жгучее нетерпение*» [Там же, с. 77] и сравнивает с огненным метеором, летящим в эпицентр революции.

Мифологичность, космичность, огненность образов воплощают вселенский масштаб и непримиримость революционной битвы, где между собой сталкиваются не просто человеческие характеры и устремления, но высшие inferнальные силы, возможно и определившие исход борьбы. Помимо этого, образы отражают разные векторы вторжения бесовских сил. Дым, исходящий от Агнессы, – олицетворение затухшего, но готового с новой мощью воспламениться внутреннего революционного огня. Метеор – символ черной внеземной энергии главных «бесов» революции, бездумно разрушающих старый

мир, не осознающих катастрофические последствия своей деятельности. Ленин – огненный осколок, прилетевший из другого, европейского, эмиграционного мира и сумевший с небывалой силой разжечь угасающее пламя либеральной революции. Приметой персонажей-бесов (Ленин, Матвей Рысс) является и почерк с хвостиками. В «Апреле Семнадцатого» Гиммер, ратуя о возвращении большевистской газеты «Новая жизнь», особо отмечает новый «хвостатый» шрифт: «<...> *какие семь круглых хвостов у „ж“, „з“ и мягкого знака <...>*» [Там же, с. 384].

На причастность к инфернальной сфере указывает механизм возникновения хлебных петроградских хвостов. По сведениям правительства, Думы, газет, хлеба в столице достаточно, однако горожане, как будто управляемые какой-то высшей, бесконтрольной бесовской силой, выстраиваются возле лавок в длинные очереди. Попав в хвост, ведут себя неадекватно, никакие разумные доводы не приемлют. Одержимая толпа, начиная с крушения хлебных лавок и магазинов, перекинется на дома, общественные здания, начнет убивать городских, полицейских и офицеров. Воротынцев уже в «Октябре Шестнадцатого» ощущает необычность, противоестественность хвостов: «<...> *скопились и стоят странно выстроенные в затылок друг другу люди разных возрастов <...>*» [Солженицын, т. 9, с. 141]. Герой, обладающий «двунаправленным взглядом» (термин А. В. Урманова) [Урманов, 2013, с. 464], словно предчувствует скорое появление иных хвостов, колонн заключенных, опоясавших страну: «*Выперли весь барак наружу. <...> Выстроились все в хвост, сперва по пять строго, а там – шалманом*» [Солженицын, т. 1, с. 84, 108]. Главному герою «Одного дня Ивана Денисовича» (1959) колонны заключенных видятся черными обезличенными хвостами, автору – страшными отростками ГУЛАГа, во многом порожденными февральским хаосом 1917 года.

Автор показывает, что с началом революции не просто активизируются оппозиционные партии, негативно настроенные солдаты, рабочие, простой люд, но и инфернальные силы, роль которых в раскручивании революционного колеса, по мнению писателя, очень велика. Возможно, поэтому все попытки остановить его обречены на неудачу. Вероня и Фенечка, интуитивно угадывая темную энергетику хлебных хвостов, с них решают начать свою революционную агитацию. Как одно из самых «удачных мест» для митингов расценивает хлебные очереди и Ленин: «*Один агитатор поговорил пять минут и обработал сотню женщин <...>*» [Солженицын, т. 15, с. 153].

Образ хлеба, спаивая важнейшие повествовательные пласты (исторический и онтологический) эпопеи, обозначает два мощных эпицентра революционного пожара. Один из них, по мысли писателя, коренился внутри России, в десакрализованном сознании русского народа, недалеко-видных действиях общественности, правительства и верховной власти. Второй, сформировавшись в космических кругах и приобретя в силу религиозно-нравственной деструкции инфернальный характер, разошелся потоками черной, бесконтрольной бесовской силы, с небывалой интенсивностью убыстряющей и без того стремительное кружение красного колеса.

Список литературы

- Аркатова А. Е. Система ключевых женских образов в эпопее А. Солженицына «Красное Колесо» // Жизнь и творчество Александра Солженицына: На пути к «Красному Колесу»: Сб. ст. М.: Русский путь, 2013. С. 359–369.
- Гуськов В. В. Кто раскрутил Красное Колесо? Система персонажей исторической эпопеи А. И. Солженицына «Красное Колесо». Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2010. 228 с.
- Плотникова А. А. Хвост // Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5-ти т. Т. 5. М.: Междунар. отношения, 2012. С. 411–412.
- Солженицын А. И. Собр. соч. в 30 т. Т. 1. Рассказы и Крохотки. М.: Время, 2007. 672 с.
- Солженицын А. И. Собр. соч. в 30 т. Т. 7. Красное Колесо: Повествование в отмеренных сроках. Узел I. Август Четырнадцатого. Кн. 1. М.: Время, 2007. 432 с.
- Солженицын А. И. Собр. соч. в 30 т. Т. 8. Красное Колесо: Повествование в отмеренных сроках. Узел I. Август Четырнадцатого. Кн. 2. М.: Время, 2007. 536 с.
- Солженицын А. И. Собр. соч. в 30 т. Т. 9. Красное Колесо: Повествование в отмеренных сроках. Узел II. Октябрь Шестнадцатого. Кн. 1. М.: Время, 2007. 512 с.
- Солженицын А. И. Собр. соч. в 30 т. Т. 11. Красное Колесо: Повествование в отмеренных сроках. Узел III. Март Семнадцатого. Кн. 1. М.: Время, 2008. 744 с.
- Солженицын А. И. Собр. соч. в 30 т. Т. 15. Красное Колесо: Повествование в отмеренных сроках. Узел IV. Апрель Семнадцатого. Кн. 1. М.: Время, 2009. 624 с.
- Спиваковский П. Е. Система онтологических символов в эпопее «Красное Колесо» // «Красное Колесо» А. И. Солженицына: Художественный мир. Поэтика. Культурный контекст: Междунар. сб. науч. трудов. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2005. С. 34–88.
- Толстая С. М. Хлеб // Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5-ти т. Т. 5. М.: Междунар. отношения, 2012. С. 412–421.
- Урманов А. В. Художественное мироздание Александра Солженицына. М.: Русский путь, 2014. 624 с.

Урманов А. В. «Саранча из бездны...» (Библейская символика в «Красном Колесе») // Жизнь и творчество Александра Солженицына: На пути к «Красному Колесу»: Сб. ст. М.: Русский путь, 2013. С. 462–473.

References

Arkatova, A. E. (2013). *Sistema kliuchevykh zhenskikh obrazov v epopee A. Solzhenitsyna "Krasnoe Koleso"* [The System of Key Female Images in A. Solzhenitsyn's Epopee "The Red Wheel"]. *Zhizn' i tvorchestvo Aleksandra Solzhenitsyna: Na puti k "Krasnomu Kolesu"*: Sb. st. Pp. 359–369. Moscow, Russkii put'. (In Russian)

Gus'kov, V. V. (2010). *Kto raskrutil Krasnoe Koleso? Sistema personazhej istoricheskoi epopei A. I. Solzhenitsyna "Krasnoe Koleso"* [Who Rolled the Red Wheel? The System of Characters in A. Solzhenitsyn's Epopee "The Red Wheel"]. 228 p. Blagoveshhensk, izd-vo BGPU. (In Russian)

Plotnikova, A. A. (2012). *Hvost* [The Tail]. *Slavianskie drevnosti: Etnolingvisticheskii slovar' v 5-ti t. T. 5*, pp. 411–412. Moscow, Mezhdunar. otnosheniia. (In Russian)

Solzhenitsyn, A. I. (2007). *Sobr. soch. v 30 t. T. 1. Rasskazy i Krohotki*. [The Collection of Literary Works, 30 Vols. Short Stories and Miniatures]. 672 p. Moscow, Vremia. (In Russian)

Solzhenitsyn, A. I. (2007). *Sobr. soch. v 30 t. T. 7. Krasnoe Koleso: Povestvovanie v otmerennykh srokakh. Uzel I. Avgust Chetyrnadtsatogo. Kn. 1.* [The Collection of Literary Works, 30 Vols. The Red Wheel: A Narrative in Discrete Periods of Time. August 1914. Node I. Book I]. 432 p. Moscow, Vremia. (In Russian)

Solzhenitsyn, A. I. (2007). *Sobr. soch. v 30 t. T. 8. Krasnoe Koleso: Povestvovanie v otmerennykh srokakh. Uzel I. Avgust Chetyrnadcatogo. Kn. 2.* [The Collection of Literary Works, 30 Vols. The Red Wheel: A Narrative in

Discrete Periods of Time. August 1914. Node I. Book II]. 536 p. Moscow, Vremia. (In Russian)

Solzhenitsyn, A. I. (2007). *Sobr. soch. v 30 t. T. 9. Krasnoe Koleso: Povestvovanie v otmerennykh srokakh. Uzel II. Oktjabr' Shestnadcatogo. Kn. 1.* [The Collection of Literary Works, 30 Vols. The Red Wheel: A Narrative in Discrete Periods of Time. November 1916. Node II. Book I]. 512 p. Moscow, Vremia. (In Russian)

Solzhenitsyn, A. I. (2008). *Sobr. soch. v 30 t. T. 11. Krasnoe Koleso: Povestvovanie v otmerennykh srokakh. Uzel III. Mart Semnadcatogo. Kn. 1.* [The Collection of Literary Works, 30 Vols. The Red Wheel: A Narrative in Discrete Periods of Time. March 1917. Node III. Book I]. 744 p. Moscow, Vremia. (In Russian)

Solzhenitsyn, A. I. (2009). *Sobr. soch. v 30 t. T. 15. Krasnoe Koleso: Povestvovanie v otmerennykh srokakh. Uzel IV. April' Semnadcatogo. Kn. 1.* [The Collection of Literary Works, 30 Vols. The Red Wheel: A Narrative in Discrete Periods of Time. April 1917. Node IV. Book I]. 624 p. Moscow, Vremia. (In Russian)

Spivakovskii, P. E. (2005). *Sistema ontologicheskikh simvolov v epopee "Krasnoe Koleso"* [The System of Ontological Symbols in the Epopee "The Red Wheel"]. "Krasnoe Koleso" A. I. Solzhenitsyna: Khudozhestvennyi mir. Poetika. Kul'turnyi kontekst: Mezhdunar. sb. nauch. Trudov, pp. 34–88. Blagoveshhensk, izd-vo BGPU. (In Russian)

Tolstaia, S. M. (2012). *Hleb* [Bread]. *Slavianskie drevnosti: Etnolingvisticheskii slovar' v 5-ti t. T. 5*, pp. 412–421. Moscow, Mezhdunar. otnosheniia. (In Russian)

Uрманов, А. В. (2014). *Khudozhestvennoe mirozhdanie Aleksandra Solzhenitsyna* [Aleksandr Solzhenitsyn's Artistic Worldview]. 624 p. Moscow, Russkii put'. (In Russian)

Урманов, А. В. (2013). «Саранча из бездны...» (Библейская символика в «Красном Колесе») [“Locusts Out of the Abyss”: Biblical Symbolism in “The Red Wheel”]. *Zhizn' i tvorchestvo Aleksandra Solzhenitsyna: Na puti k "Krasnomu Kolesu"*: Sb. st., pp. 462–473. Moscow, Russkii put'. (In Russian)

The article was submitted on 14.11.2021

Поступила в редакцию 14.11.2021

Смыковская Татьяна Евгеньевна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Благовещенский государственный
педагогический университет,
675000, Россия, Благовещенск,
Ленина, 104.
tarkatova@yahoo.com

Smykovskaya Tatyana Yevgenyevna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Blagoveshchensk State Pedagogical University,
104 Lenin Str.,
Blagoveshchensk, 675000, Russian Federation.
tarkatova@yahoo.com